

УДК 1 (075.8)

Муза Д.Е.

ИСТОРИОСОФСКИЙ СПОР О СУДЬБЕ РОССИИ (Н.Я. ДАНИЛЕВСКИЙ И К.Н. ЛЕОНТЬЕВ)

Инвариантным предметом историософских поисков мыслителей России выступает ее, России, национальная сущность. Последняя конкретизируется при помощи набора специфических категорий: «русская идея», «лицо России», «удел России», «грехи России», «судьба России», «русский путь»... Не секрет, что категория «судьба» является интегральной аппликацией исторического бытия России.

Для фокусировки мысли на реалистическом характере русской историософии укажем на то обстоятельство, что сама теория исторического процесса (с включенной в нее линией жизни русского народа) не является результатом умозрительной дедукции тайных механизмов истории, а презентует причастность к ее внутренним - божественным – токам через православное миропонимание. Перманентные онтологические сдвиги, сопровождающие историческую поступь России, отзываются, как правило, не жесткими, по-немецки чеканными философскими формулами, а религиозной мифологией и поэтическими откровениями. В зазоре между ними (если вообще таковой существует) лежит область историософской рефлексии. Эта рефлексия активно возвращалась в России на протяжении последних двух столетий.

Ее специфику (теоретико-познавательные, эстетические, этические и ценностные элементы структуры) очерчен словами митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева): «...для того, чтобы удовлетворительно объяснить российский феномен, привычных исторических стереотипов явно недостаточно. Православное сознание легко минует это препятствие, обосновывая своеобразие русской судьбы исчерпывающе просто – *промыслительным назначением России стать последним препятствием на пути всемирной апостасии*» [1, с. 67] (выделено нами – М.Д.). В этой связи небезынтересно обратиться к спору таких историософов как Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев, заявивших о себе как сторонниках православного «прочтения» партитуры исторической судьбы России. Такое обращение тем более важно в условиях пробуждающегося после либерально-демократического «наката» 90-х национального сознания и самосознания, в ситуации глобализирующегося мира, к которой причастна и Россия.

Итак, во-первых, необходимо в общих чертах воспроизвести фабульную сторону спора. Автор «России и Европы» главным образом заявил о себе как создатель оригинальной теории культурно-исторических типов, в пределах которой нашел свою первоначальную «прописку» четырехосновный славянский культурно-исторический тип [2, с. 398 - 431]. Провозглашаемая здесь грядущая культурная са-

мобытность и кристаллизация самосознания славянства мыслилась Н.Я. Данилевским через: развертывание всех четырех заложенных в славянском типе разрядов деятельности, происходящее на фоне борьбы с Германо-Романским миром.

В этом процессе конституирования славянского организма в одно политико-общественное, экономико-хозяйственное, культурное и духовно-нравственное целое, огромная роль отведена России. Совершенно справедливо отметить, что Россия как геополитическое целое (с множеством этнографических элементов, включенных в ее состав «путем свободного расселения, а не государственного завоевания» [2, с. 19]) предстает как самостоятельный субъект (игрок) во взаимоотношениях со славянством и Западом. Однако, правомерен вопрос: при помощи каких инструментов Россия (ее народы) намерены интегрироваться в некоторое единство с другими славянами? каким будет внешнеполитический и культуронесущий вектор во взаимоотношениях с Европой как единым целым?

Естественно, для того, чтобы имела место социальная устойчивость, способ действия между культурно-историческими типами славянства и романо-германства, как и «внутри» славянства должен быть выкроен по одной мерке. Для этого, Н.Я. Данилевский, как традиционалист, предлагает окунуться в стихию социального анамнезиса и через нее продемонстрировать социотворческие ресурсы славянского и романо-германского типов. Здесь обнаруживается социокультурная дискордантность, которая проявляется в жизни каждого из типов [2, с. 47 - 58].

Размышляя о самой славянской идее в ее политических одеждах – с одной стороны, о неповторимости общекультурных задач, стоящих в мировой истории перед Россией и славянством – с другой, Н.Я. Данилевский вынужден был продуцировать (полагаясь на естественную телеологию) принцип Федерации (империя – союз славянских народов во главе с русским царем) славянских народов с их нравственными и физическими качествами. При этом политическое единство славян - неотъемлемое условие последующей генерации славян в общекультурное тело, или слияние славянских ручьев с русским морем [2, с. 329].

Решение подобной задачи, естественно, опирается в контр-политику Европы не только в отношении балканских славян, но и в целом – против славянского племени. При полном нежелании Европы видеть такую «аномалию» как Россия, и ведомые ею племена, полноценными участниками исторического творчества, - реализация этого проекта сверхактуальна. Поэтому, философ не рассматривает как «рабочий» вариант ассимиляции славян в европейском историческом пространстве, а указывает на судьбоносный путь России и славянства: «Будучи чужда Европейскому миру по своему внутреннему складу, будучи, кроме того, слишком сильна и могущественна, чтобы занимать место одного из членов европейской семьи, быть одною из великих европейских держав, - Россия не иначе может занять достойное себя и Славянства место в истории, как став главою особой, самостоятельной политической системы государств и служа противовесом Европе во всей ее общности и целостности. *Вот выгоды, польза, смысл Всеславянского союза по отношению к России*» [2, с. 341] (выделено нами – М.Д.).

Делая некоторое отступление, укажем, в створе чего может быть прояснен этот тезис мыслителя. Россия, выполняя свою миссию: а) по отношению к славянству как освободительница и дарительница политической свободы; б) по отношению к народам, входящим в романо-германский культурно-исторический тип, как культурный (в широком смысле) противовес им, строит свой цивилизационный организм как империю. В книге Н.Я. Данилевского мы встречаем классическую формулу управления внутренними и внешними процессами в государстве, а именно – гегемонию России (стержневой этнос – русские), при посильном вспоможении других славянских народов (средние и малые этнические группы) [2, с. 363]. Такой особый характер политической деятельности генетически связан с историческим жребием России – быть хранительницей живого предания религиозной истины – Православия [2, с.407, 409]. Тем самым, духовно-политически и культурно (в узком смысле слова) Россия обязана «собрать» под сенью империи народы ради служения *принципу*, а не *интересу*. Декларируемый философом принцип – Православие, Славянство, крестьянский надел (община) [2, с. 409 - 418].

Оставляя в стороне выпады В.С. Соловьева против идей и идеологии панславизма, изложенных Н.Я. Данилевским в «России и Европе», перейдем к взглядам К.Н. Леонтьева на тот же предмет. Представляется, что в этом пункте спор приобретает свою сюжетную напряженность, стыкующую имперскую интуицию Н.Я.Данилевского с имперским мышлением К.Н. Леонтьева. Формально Константин Леонтьев вмешался в полемику в 1888 году на страницах «Гражданина» в своей работе «Владимир Соловьев против Данилевского». С другой стороны, после внимательного изучения текста «России и Европы» в поле зрения Леонтьева постоянно входил круг идей и понятий теории культурно-исторических типов [3, с. 141 - 143]. Читая К.Н. Леонтьева, изначально следует обратить внимание на критическую мысль его, о неспособности той или иной формы политической самобытности («либерального и необузданного панславизма»), обеспечить полноценное развитие цивилизации. Выход на историческую сцену славян, на фоне разлагающегося романо-германского культурного типа – дело оправданное и своевременное. Но Леонтьев полагает, что «нельзя строить политические здания ни на текучей воде вещественных интересов, ни на зыбком песке какихнибудь чувствительных и глупых либеральностей... Эти здания держаться прочно лишь на *отвлеченных принципах верований и вековых преданий*» [4, с. 165]. В такой постановке проблемы, России и славянству не следует взирать зачарованными глазами на Европу, а перенаправить всю силу своего зрения и чувств вглубь веков.

Для подкрепления этой мысли консервативный мыслитель считает нужным обратиться к существовавшим в истории вариантам трансфера от одной цивилизации – к другой. Таких вариантов насчитывается три: 1) греко-македонский; 2) Рим и Византия; 3) романо-германская Европа. Приводимый анализ процесса этой передачи свидетельствует о том, что: а) Н.Я. Данилевский, перечисляя все культурные типы, «забыл» Византию [5, с. 480]; б) сам же византийский тип является одноосновным [5, с. 480 - 481], в то время как романо-германский – трехосновным [5, с. 480 - 481].

Согласно Леонтьеву, именно византийский тип предопределил весь строй русской жизни и культуры вообще. «Византизм организовал нас, система византийских

идей создала величие наше, сопрягаясь с нашими патриархальными, простыми началами, с нашим еще старым и грубым вначале славянским материалом» [6, с. 107]. Тот же византизм, но в иной комбинации сил – вместе с германским рыцарством (феодализм), эллинской эстетикой и философией, наконец, римскими муниципальными началами, конституировал социальное тело Европы [6, с. 139; 7, с. 670]. У России же иная конституция: она переняла не осколки византийской культуры, но самое ее ядро. «Византийские идеи и чувства сплестили в одно тело полудикую Русь. Византизм дал нам силу перенести татарский погром и долгое данничество. Византийский Спас осенял на великокняжеском знамени верующие войска Димитрия на том бранном поле, где мы впервые показали татарам, что Русь Московская уже не прежняя раздробленная, растерзанная Русь! Византизм дал нам всю силу нашу в борьбе с Польшей, со шведами, с Францией и с Турцией. Под его знаменем, если мы будем ему верны, мы, конечно, будем в силах выдержать натиск и целой интернациональной Европы...» [6, с. 104]. Вместе с православием на Русь пришло (хотя и не сразу) самодержавие, православная государственность, зиждущаяся на нравственных основаниях, и, вообще, образовался отличный от западноевропейских племен культурный космос.

Поэтому К.Н. Леонтьев делает единственно верное историческое и культурологическое допущение, касающееся России: в противовес идее славянства (которая у Н.Я. Данилевского выше науки, свободы и просвещения) необходимо воплотить проект создания устроенного на принудительности (православие, самодержавие, народность) монолитного Российского государства. Эскиз этого проекта находим в письме к о. Иосифу Фуделю. По Леонтьеву: «1. Государство должно быть пестро, сложно, крепко, сословно и с осторожностью подвижно. Вообще *сурово*, иногда до свирепости. 2. Церковь должна быть *независимее* нынешней. Иерархия должна быть смелее, властнее, сосредоточеннее. Церковь должна *смягчать* государство, а не наоборот. 3. Быт должен быть поэтичен, *разнообразен в национальном*, обособленном от Запада *единстве* (или совсем, например, не танцевать, а молиться Богу, а если танцевать – то по-своему: выдумывать и развивать народное до изящной утонченности и т.д.). 4. Законы, принципы власти должны быть *строже*, люди должны стараться быть лично *добрее*; одно уравнивает другое. 5. Наука должна развиваться в духе глубокого презрения к своей *пользе*» (курсив – К. Леонтьева) [8, с. 508 - 509].

Здесь необходимо сделать некоторые пояснения. Церковный характер империи – результат оплодотворения русской почвы византийским Православием и институтом самодержавной власти, вместе с тем, они же – залог возможных метаморфоз ее исторического развития. Неслучайно К.Н. Леонтьев предупреждает: «Изменяя, *даже в тайных помыслах наших*, этому византизму, мы погубим Россию. Ибо тайные помыслы, рано или поздно, могут найти себе случай для практического выражения» (курсив – К. Леонтьева) [6, с. 107]. Постольку, поскольку Православие с его охранительностью и сильная монархия как иконический принцип «доброты пастыря», образуют *симфонию*, то и весь социальный организм России обещает быть здоровым и способным к развитию.

Вероятно, здоровьем могут отличаться и славянские племена, при условии, если они будут жить «своими силами и уставами». Это означает, что «надо... хвалить и любить не славян, а то, что у них особое славянское, с западным несхожее, от Европы обособляющее. Не лстыть славянам надо, а изучать их дух и отделять в их стремлениях вредное от безвредного. Не слития с ними следует ждать, - надо искать комбинаций, выгодных для нас, и для них (а через это, может быть, и для, охранительных начал самой Европы); надо искать... искусного *тяготения на почтительном расстоянии*, а не смешения и слития неорганического» (курсив – К. Леонтьева)[6, с. 154]. Такая позиция К.Н. Леонтьева, по-сути дела, не является контрпозицией по отношению к мысли Н.Я. Данилевского, она углубляет и усложняет ее, отбрасывает либеральную «шелуху».

Наконец, следует выслушать еще один аргумент Леонтьева для того, чтобы убедиться в верности его позиции. «Панславизм же *во что бы то ни стало* – это *подражание* и больше ничего. Это идеал современно-европейский, *унитарно-либеральный*, это стремление *быть как все*. Это все та же общеевропейская *революция*»[9, с. 530]. Далее, обращение к аутентичным поклонникам Н.Я. Данилевского: «Нужно теперь не *славянолюбие*, не *славянопотворство*, не *славяноволие*, нужно – *славяномыслие*, *славянотворчество*, *славяноособие* – вот что нужно теперь!.. Поря образумиться» [9, с. 530]. И слова, обращенные к русским: «Русским в наше время надо, ввиду всего перечисленного мною прежде, стремиться со страстью *к самобытности духовной, к умственной и бытовой*... И тогда и остальные славяне пойдут со временем по нашим стопам» (курсив – К. Леонтьева) [9, с. 530].

К сожалению, исторические бури разметали былое величие России, разрушили ее родовую монархию, сословия, быт. Продолжаются они теперь – в эпоху глобализации, – когда славянам на фоне благоденствующей сверхдержавы, объединенной Европы, и Японии, отведена «роль» на задворках истории. Нерушимо лишь стоит ковчег Православной церкви, являющейся нравственным ориентиром в кипучем море политики, экономики, личной жизни. По прежнему остро стоит вопрос об алгоритме имперского бытия России в мире, но очевидно одно: тот давний спор о ее, России, судьбе не стерт губкою с доски, а продолжает довлеть над нашей философией и культурой.

Список литературы

1. Высокопреосвященнейший Иоанн митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Русь соборная. Очерки христианской государственности. – СПб.: Царское дело, 1995. – 248 с.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. 6-е изд. – СПб.: изд. СПб. университета; изд. «Глагол», 1995. – 552 с.
3. Бажов С.И. Философия истории Н.Я.Данилевского. – М.: ИФ РАН, 1997. – 215 с.
4. Леонтьев К.Н. Храм и Церковь // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872 – 1891). – М.: Республика, 1996. – С.161 – 166.
5. Леонтьев К.Н. Владимир Соловьев против Данилевского // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872 – 1891). – М.: Республика, 1996. – С. 466 – 511.

6. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872 – 1891). – М.: Республика, 1996. – С. 94 – 156.
7. Леонтьев К.Н. Кто правее? Письма к Владимиру Сергеевичу Соловьеву // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872 – 1891). – М.: Республика, 1996. – С. 625 – 678.
8. Иваск Ю.И. Константин Леонтьев (1831 – 1891). Жизнь и творчество // К.Н.Леонтьев: pro et contra. Книга 1. – СПб.: РХГИ, 1995. - С. 229 – 650.
9. Леонтьев К.Н. Национальная политика как орудие всемирной революции // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872 – 1891). – М.: Республика, 1996. – С. 512 – 534.

Поступило в редакцию 3.09.02